

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-2-22-34>**Экономические факторы социально-экологической повестки
в концепции ESG****Н. Н. Покровская^{1, 2, 3, 4} ✉, Э. Б. Молодькова⁵, С. О. Снисаренко³,
А. М. Онуфриева⁶**

¹ Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
ул. Профессора Попова 5, г. Санкт-Петербург 197022, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ул. Политехническая 29, г. Санкт-Петербург 195251, Российская Федерация

³ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Лермонтовский пр. 44, г. Санкт-Петербург 190103, Российская Федерация

⁴ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
наб. реки Мойки 48, г. Санкт-Петербург 191186, Российская Федерация

⁵ Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ул. Садовая 21, г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация

⁶ Филиал ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии» по Ленинградской области
ул. Чапаева 15Б, г. Санкт-Петербург 197046, Российская Федерация

✉ e-mail: nnp@spbstu.ru

Резюме

Актуальность. Рационализация сложной ткани общественно-хозяйственной деятельности породила концепцию сбалансированного обеспечения комфортных условий жизни, защиты природной и культурной среды, удовлетворения потребностей частным бизнесом при максимизации эффективности. Ставится вопрос оценки расхождений приоритетов экономических факторов и общепринятым видением зелёной повестки ESG-менеджмента.

Цель – провести теоретико-концептуальный анализ параметров социально-экологической проблематики макро- и микроэкономического управления, выявить приоритетные группы критериев выбора моделей индивидуального, институционального, странового социально-экологического поведения.

Задачи: определить концептуальные рамки эволюции подходов к социально-экологической повестке; провести исследование специфики социально-экологических оценок поведения субъектов; выявить группы факторов динамики карбоноёмкости экономики, включая производство и потребление карбоноёмких товаров.

Методы. Методологический подход включал анализ динамики понятийно-терминологического аппарата от природоохранной деятельности до социально-экологического компонента корпоративной стратегии и аргумента рыночной коммуникации на микроуровне, от целей тысячелетия до устойчивого развития наднациональных сообществ; ретроспективный анализ национальных объёмов эмиссии CO₂; методы группировки, классификации, графической интерпретации результатов сравнительного анализа для выявления эволюции социально-экологического поведения государств.

Результаты. Анализ статистических данных эмиссии углекислого газа ряда стран с учётом потребления показал недооценённую долю экономического «центра» (США, Европейский союз) в объёмах эмиссии и переоценку стран «периферии» (Китай, Индия). Использование социально-экологического инструмента рыночного продвижения и выдавливания конкурентов отражает преобладание экономических факторов поведения организационных институционализированных субъектов экономики. Анализ результатов исследований общественного мнения подтверждает расхождение между декларируемой покупателями приверженностью разумному потреблению и реальной значимостью затратно-ценовых факторов выбора.

© Покровская Н. Н., Молодькова Э. Б., Снисаренко С. О., Онуфриева А. М., 2022

Выводы. Изучение заявленной и реализуемой социально-экологической модели индивидуального, корпоративного, странового поведения показало преобладание экономических факторов реализации подхода ESG индивидами, предприятиями, государствами. Фактически реализуемые поведенческие стратегии определяются доминированием экономических факторов выбора моделей индивидуального, корпоративного, территориального (национального, регионального) социально-экологического поведения, наряду с заявленным уравновешиванием экологических, социально-культурных, экономических факторов (ESG).

Ключевые слова: корпоративное управление; социально-экологическое поведение; регуляция; охрана природной среды; разумное потребление; загрязнение; эмиссия углекислого газа.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Экономические факторы социально-экологической повестки в концепции ESG / Н. Н. Покровская, Э. Б. Молодкова, С. О. Снисаренко, А. М. Онуфриева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 22–34. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-2-22-34>.

Поступила в редакцию 18.02.2022

Принята к публикации 21.03.2022

Опубликована 29.04.2022

Economic Factors of the Socio-Environmental Agenda in the ESG Concept

Nadezhda N. Pokrovskaya^{1, 2, 3, 4}✉, Eleonora B. Molodkova⁵,
Svetlana O. Snisarenko³, Alexandra M. Onufrieva⁶

¹ Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

5 Professor Popov str., Saint Petersburg 197022, Russian Federation

² Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University

29 Politechnicheskaya str., Saint Petersburg 195251, Russian Federation

³ Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

44 Lermontovskiy av., Saint Petersburg 190103, Russian Federation

⁴ Herzen State Pedagogical University of Russia

48 Moika River Embankment, Saint Petersburg 191186, Russian Federation

⁵ Saint Petersburg State University of Economics

21 Sadovaya str., Saint Petersburg 191023, Russian Federation

⁶ Branch of the Federal State Budgetary Institution "Federal Cadastral Chamber of the Federal Service for State

Registration, Cadastre and Cartography" in the Leningrad Region

15B Chapaeva str., Saint Petersburg 197046, Russian Federation

✉ e-mail: nnp@spbstu.ru

Abstract

Relevance. The rationalization of complex social ties of economic activities has given rise to the concept of balanced provision of comfortable living conditions, protection of the natural and cultural environment, meeting the needs of private business maximizing efficiency. The society requires to assess discrepancies between the priorities of economic factors and the generally accepted ESG green agenda.

Purpose. To conduct a theoretical and conceptual analysis of the parameters of socio-ecological problems of economy, identify priority groups of criteria for choosing models of individual, institutional, country socio-ecological behavior.

Objectives: Determine the conceptual framework for the evolution of approaches to the social and environmental agenda, conduct a study of the specifics of social and environmental assessments of the behavior of subjects, identify groups of factors in the dynamics of the carbon intensity of the economy, including the production and consumption of carbon intensive goods.

Methodology. The methodological approach included an analysis of the dynamics of the concepts from environmental protection to the social and environmental component of the corporate strategy and the argument of market communication at the micro-level, from the millennium goals to the sustainable development of supranational communities; retrospective analysis of national volumes of CO₂ emissions; methods of grouping, classification, graphical interpretation of the results of a comparative analysis to identify the evolution of the socio-ecological behavior of states.

Results. An analysis of the statistical data on carbon dioxide emissions from a number of countries, taking into account consumption, showed an underestimated share of the economic "center" (USA, European Union) in emissions and an overestimation of the "periphery" countries (China, India). The use of a socio-ecological instrument of market promotion and squeezing out competitors reflects the predominance of economic factors in the behavior of organizational institutionalized economic entities. An analysis of the results of public opinion surveys confirms the discrepancy between the commitment to reasonable consumption declared by buyers and the real significance of cost-price factors of choice.

Conclusions. The study of the declared and implemented socio-ecological model of individual, corporate, country behavior showed the predominance of economic factors in the implementation of the ESG approach by individuals, enterprises, and states. Actually implemented behavioral strategies are determined by the dominance of economic factors in the choice of models of individual, corporate, territorial (national, regional) socio-ecological behavior, along with the stated balancing of environmental, socio-cultural, economic factors (ESG).

Keywords: corporate governance; social and environmental behavior; regulation; environmental protection; reasonable consumption; pollution; carbon emissions.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Pokrovskaya N. N., Molodkova E. B., Snisarenko S. O., Onufrieva A. M. Economic Factors of the Socio-Environmental Agenda in the ESG Concept. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2022; 12(2): 22–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-2-22-34>.

Received 18.02.2022

Accepted 21.03.2022

Published 29.04.2022

Введение

В российском социально-экономическом пространстве до начала XX в. не было упоминаний о защите природы, экологии или социальной ответственности бизнеса, хотя среди русских промышленников и купцов было много благотворителей, таких как Савва Иванович Мамонтов (строивший железные дороги), Тимофей Саввич Морозов (содержавший училища, общежития и больницы для рабочих своих мануфактур), Павел Михайлович Третьяков (направлявший средства от льняной фабрики и продажи текстиля на содержание училища глухонемых детей и передавший в дар Москве художественную Галерею).

Ещё в 1924 г. в СССР было создано всесоюзное объединение «Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени общество охраны природы» [1], Постановление Совета Министров РСФСР от

5 сентября 1953 г. объединило его с обществом по строительству и охране городских зелёных насаждений в «Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населённых пунктов». С начала 1960-х гг. в Советском Союзе и с 1970-х гг. в западных странах начинают возникать спонтанные локальные добровольческие движения: 13 декабря 1960 г. студенты биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова образовали первую в СССР дружину охраны природы (ДОП).

С 1960 по 2020-е гг. защита окружающей среды прошла сложную траекторию развития:

– XX в. ознаменовался нарастанием антропогенных и техногенных катастроф и множеством исследований, которые получали огласку в формате слухов и/или широко освещались в СМИ, что привело к постепенной политизации «зелёной» повестки;

– к началу III тысячелетия исследования показали, что процессы защиты природы существенно более сложны, интегрированы с множеством внебиологических вопросов и вписываются в социальную ткань, включая, прежде всего, политические и экономические взаимоотношения по поводу ресурсов;

– второе десятилетие XXI в. привело к поиску баланса между корпоративными интересами бизнеса (governance) и общественными интересами (social), и к пониманию единого блока принципов устойчивого развития на основе ресурсосбережения и охраны природы (environmental), в рамках концепции ESG.

Если корпоративная социальная ответственность нацелена на приоритет интересов общества над интересами частного бизнеса, то концепция ESG направлена на уравнивание интересов различных групп субъектов и их потребностей: с одной стороны, учитываются социально-экологические задачи, обеспечивающие качество природной и культурной среды на определенном достигнутом уровне цивилизационного развития, с другой – экономическое развитие обуславливает уровень притязаний и удовлетворения потребностей, в иерархии которых гармония с природой находится на высшей ступени и достигается лишь при условии решения хозяйственных задач. В действительности, ESG-подход предназначен для реализации, прежде всего, хозяйственных и экономико-управленческих задач.

В статье приводится краткое описание концептуальных форм и понятий, характеризующих деятельность, нацеленную, по сути, на сохранение комфортной для человека природной среды, которая видоизменялась за период последних десятилетий, а также анализ основных экономических и социально-институциональных факторов на формирование сбалансированного бизнес-подхода ESG, включая социально-психологическое и политическое влияние СМИ.

Материалы и методы

Первые концептуальные подходы к экологической теме были сосредоточены на идее охраны природы (ДОП – дружина охраны природы), сохранения естественных условий жизни человека (в 1924 г. в СССР зарегистрировано общество охраны природы). В послевоенные годы в документах получило отражение понимание единого подхода к формированию новой урбанизированной среды, что отразилось терминологически в понятии защиты окружающей среды, в которую были добавлены, наряду с элементами природного характера, и аспекты цивилизационного, антропогенного, культурного характера, например, ценность ландшафта как объекта эстетического восприятия человека наряду с восприятием зелёных насаждений как источника кислорода: если биологически озеленение способствует переработке углекислого газа и очищению воздуха, то эстетически градостроительство учитывает и новый критерий среды как места присутствия и объекта восприятия.

Экологическая наука, изучая закономерности развития природной среды и её воздействия на человека, прежде всего с биологической точки зрения, выступает частью «зелёной» повестки в целом [2]. При этом достаточно долго понятие environmental («средовой») переводилось с английского языка на русский как «экологический», поскольку это наиболее близкий термин в русском языке в контексте промышленной экономики и реиндустриализации [3]. Вместе с этим следует обратить внимание на терминологически разные траектории развития данного понятия в англо- и русскоязычном употреблении: если environmental относится, в первую очередь, к улучшению физических условий жизнедеятельности человека, то термин «экологичный» в русском языке шире и относится к принятию субъектом ответственности за все последствия своего выбора поведения

(в этом значении термин использовался и в Послании Президента РФ в апреле 2021 г. [4]) и, в частности, за потенциально наносимый своим действием вред конкретным людям или неопределённому числу лиц в тесно переплетённых связях в обществе [5].

В научной литературе экологически ориентированное поведение изучается в следующих аспектах:

– как поведение, наносящее минимальный вред окружающей среде, при этом внимание сосредоточено на видах рисков, на опасности конкретных действий, материалов и т.п. [6], вплоть до проблем кибербезопасности и цифровой экологии [7];

– как поведение индивидуальных акторов [8], в частности покупателей (исследование потребителей, поведенческая психология, социальная психология, социальная регуляция поведения в организации и на рынке), а также коллективных (не всегда институциональных) субъектов – предприятий, сообществ, обществ и цивилизаций [9];

– как общественное мнение, аргумент в журналистской работе, инструмент в политической борьбе, мода, тренд вовлечения людей в избирательные или покупательские общественные движения, включая вопросы угроз «свободе, безопасности и благополучию» [10];

– как инструмент жёсткого давления на частный бизнес, осуществляемого как общественными инициативными группами в политических и социально-экономических интересах общества в целом или местного сообщества, так и компаниями-конкурентами на рынке, вплоть до межстрановой конкуренции (введение трансграничного углеродного налога Carbon Border Adjustment Mechanism) [11];

– как фаза социодинамики – реакция постмодернистской гуманизации на общество потребления (от промышленной рациональности к человеку, смыслу жизни, мотивации и sharing economy как мо-

дели отказа от владения ради пользования) [8; 11; 12].

Исторически проблемы защиты природы и окружающей среды возникли с античности в связи с пожарами антропогенного происхождения (наиболее знамениты пожары в Риме, но они были типичны для всех городов вплоть до окончания Средневековья).

С началом массового промышленного производства и насыщением рынков масштабы катастроф резко увеличились: истощение природной среды (вырубки лесов, исчезновение редких видов животных), аварии на шахтах, прорывы дамб, взрывы и отравления токсичными реагентами. Сброс нефтепродуктов в морские бухты и городские реки приводил к их воспламенению [13].

Пал сухой травы как традиционный способ мелиорации почвы приводил к опустошительным пожарам. Так, с 1917 г. в Алтайской губернии 3 года подряд власти не могли справиться с пожарами и 30 июня 1920 г. алтайский председатель ГубРевКома Вс. Аристов издал приказ «застигнутых на месте преступления поджигателей леса убивать на месте» [14], что позволило сократить площади лесных и степных пожаров. В 1960-е гг. начала распространяться озабоченность экологией не только в Советском Союзе, но и в мире, например, в 1970 г. впервые прошёл День Земли.

Результаты и их обсуждение

Тематики, которые рассматриваются в рамках формирования «зелёной», социально-экологической повестки, включают в себя такие проблемные зоны, как:

– изменение климата и ландшафта (потепление, затопление, размывание почв, селевые потоки и т. п.);

– загрязнение окружающей среды и истощение ресурсов (сокращение чистой воды и воздуха, истощение природных полезных ископаемых и т. п.), урбанизация и индустриализация;

– утрата биоразнообразия (исчезновение редких видов животных, растений, уничтожение экосистем и пейзажей, уникальных ландшафтов).

Эти тематики реализуются через 2 направления деятельности: сохранение природы (точнее, среды, ландшафта, условий жизнедеятельности) и совершенствование жизнедеятельности человека.

Уже во второй половине XX в. экономические исследования обнаружили, что экология как фактор давления на бизнес может использоваться в целях улучшения жизни общества либо вытеснения конкурентов с рынка. Возникновение понятий «разумного потребления» (*responsible consumption*) и ресурсосбережения продолжало траекторию развития рыночной экономики, в то время как идеология распределённого потребления в большей мере отражала плановую коммунистическую идею и была основана на идее разделения права собственности как права владения и права пользования благами, которые человеку могут и не принадлежать на праве собственности (*sharing*).

Формы экономической деятельности, нацеленные на устойчивое развитие, ресурсосбережение при производстве и потреблении, максимизация пользования созданными благами (вне зависимости от распределения права собственности на них) входят в рациональный аспект ответственного поведения.

Рыночное экономическое поведение позволяет разделить субъектность поведения (действия) и контроля (санкционирования):

– принимающий решение о совершении выбора модели поведения субъект, выполняя действие, воплощает сделанный выбор в реальность в рамках своей деятельностной стратегии и тактики [8];

– общество (коллектив, соседи, коллеги) и конкретные общественные организации и учреждения осуществляют социальный (и правовой) контроль и санкционирование (поощрение или осужде-

ние выбранной модели поведения вплоть до штрафов и прочих форм наказания в пределах общественного уклада [9]).

В рамках эллинистической концепции человека понятие индивида и члена общества не разделено, поэтому ответственность за последствия своих действий в малой мере зависит от внешней похвалы или осуждения. На такую идеалистическую картину мира опиралась идея коммунизма как общества, в котором будут жить образованные люди с интеллектуальной мощью [12], что, как показал опыт СССР, не удалось на горизонте полувека после введения всеобщего среднего образования: обнаружилось, что среднее образование слабо помогает сформировать человека с рациональным мышлением, на зоопопуляционном уровне это объясняют необходимым для эволюции мутационным разнообразием.

Социологическое знание изучает регуляцию как форму контроля поведения в обеих формах – внутренний, интериоризированный, основанный на ценностно-смысловых приоритетах (позволяет человеку отложить сиюминутное удовлетворение потребности ради долгосрочной цели), и внешний контроль, принуждающий индивида к выбору желательной для общества модели поведения (такое принуждение учитывается индивидом заранее при выборе модели в рамках управления рисками, что позволяет избежать потенциально нежелательных санкций при оценке вероятности их наступления).

Для эффективной оптимизации выбора поведения индивид опирается на 3-компонентную модель критериев выбора: рациональные, эмоциональные и поведенческие факторы оказывают влияние через разные когнитивные инструменты. Например, для экологической проблематики «зелёная» повестка отражает эмоциональный, аффективный аспект (социальная реклама использует душераздирающие фотографии окровавленных животных и т. п.), экологичное планирование воплощает рациональный аспект (для

минимизации всех видов вреда необходимо предусмотреть все возможные последствия принятия решения и оценить вероятности их наступления), демонстрация примеров, создание инфраструктуры и институционализация поведенческого выбора отражает конативный компонент (раздельный сбор мусора легче освоить, если есть в местах сбора отходов отдельные контейнеры для каждого вида мусора и если ребёнка в школе научили, как различать разные виды пластика).

Таким образом, в социально-экономических исследованиях можно нередко видеть разделение на индивидуализм и коллективизм как формы преобладания частных интересов над групповыми или групповых над индивидуальными и частными, но в социальной ткани в ходе осуществления деятельности эти интересы тесно переплетены, что позволяет для целей исследования лишь условно выделять макроэкономический и микроэкономический подход к ESG, учитывая, например, практики лоббирования, локализации и делокализации [15]. Тем не менее можно рассмотреть как регулятивные практики на уровне компаний, так и на уровне межгосударственных договоренностей.

Для организаций, прежде всего частных компаний, ориентированных на извлечение прибыли, наряду с рациональными целями устойчивого развития и эмоциональным давлением общественности (например, люди приковывали себя наручниками к воротам заводов) также необходимо предложить кодекс поведения для корпораций и для инвесторов. Два регулятора предложили свои точки зрения на поведение бизнес-структур: наднациональный орган ООН и национальные органы, осуществляющие регулирование отчётности и рынка ценных бумаг.

ООН разработала в 2000 г. Глобальный договор (Global compact), отражающий 10 принципов работы бизнеса (сотни российских компаний, например, ПАО

«Северсталь», подписали данный договор [16]), и «Цели развития тысячелетия», которые в 2015 г. были заменены на «Цели в области устойчивого развития» (ЦУР, Sustainable Development Goals, SDGs), отражающие 17 ориентиров для действия бизнеса и государственного управления. Цели социальной ответственности декларировались на государственном уровне и продвигались скорее неформально, за исключением принятия мер контроля за загрязнением окружающей среды, по которым правоприменение включает, прежде всего, налагаемые на компании штрафы, которые прямо влияют на их прибыль и опосредованно оказывают воздействие на курс их акций и на интерес инвесторов.

В 2019 г. цели сбалансированного социального, экологического и корпоративного управления были сформулированы в Кодексе поведения институциональных инвесторов и консультантов (the UK Stewardship Code 2020) как «создание долгосрочной ценности для клиентов и бенефициаров, ведущей к устойчивым выгодам для экономики, окружающей среды и общества» [17, р. 4].

Если на микроэкономическом уровне ESG отражает факторы выбора моделей корпоративного поведения, нацеленных на социальную ответственность и ресурсосбережение в широком смысле (включая ресурсы внешней среды и внешние эффекты деятельности предприятий), то исследование межстрановых различий в социально-экологической сфере показывает различие между абсолютными и относительными показателями. Так, в 2010–2020 гг. Китай лидировал по общему объёму выбросов углекислого газа, предприятия США осуществляли примерно в 2 раза меньше выбросов CO₂, в то время как при оценке выбросов на душу населения эти позиции меняются ровно на противоположные, и выбросы в США на душу населения более чем в 2 раза превышают выбросы в Китае (рис. 1).

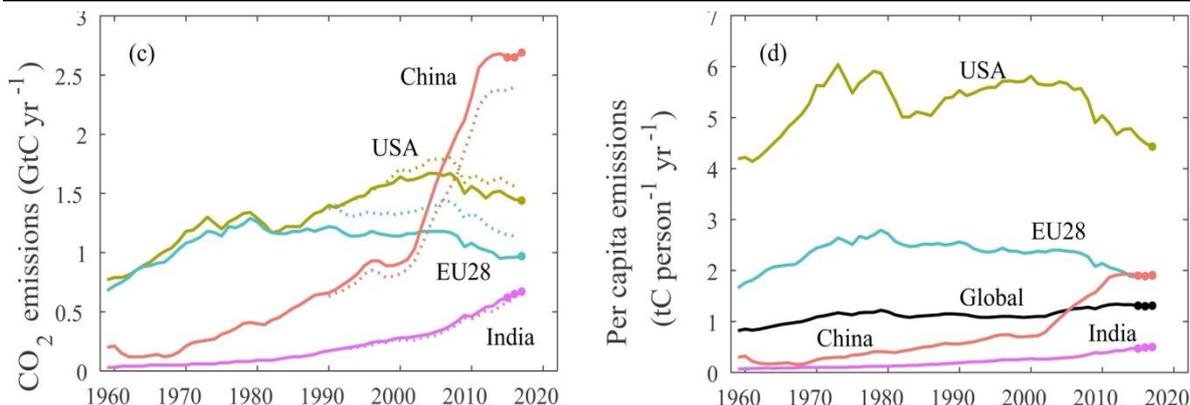

Рис. 1. Объем выбросов CO₂, в объеме и на душу населения (период 1960–2018 гг.), согласно Глобальному углеродному бюджету (Global Carbon Budget 2018) [18]

В то же время следует учитывать не только производственные объемы эмиссии углекислого газа. Так, в 2020-х гг. начали публиковаться данные не только о выбросах в ходе производства по странам-производителям (territorial), но

и об объемах потребления продукции, произведённой с помощью карбоноёмких технологий, в частности в странах-импортёрах карбоноёмких товаров (consumption, показана пунктирной линией) (рис. 2).

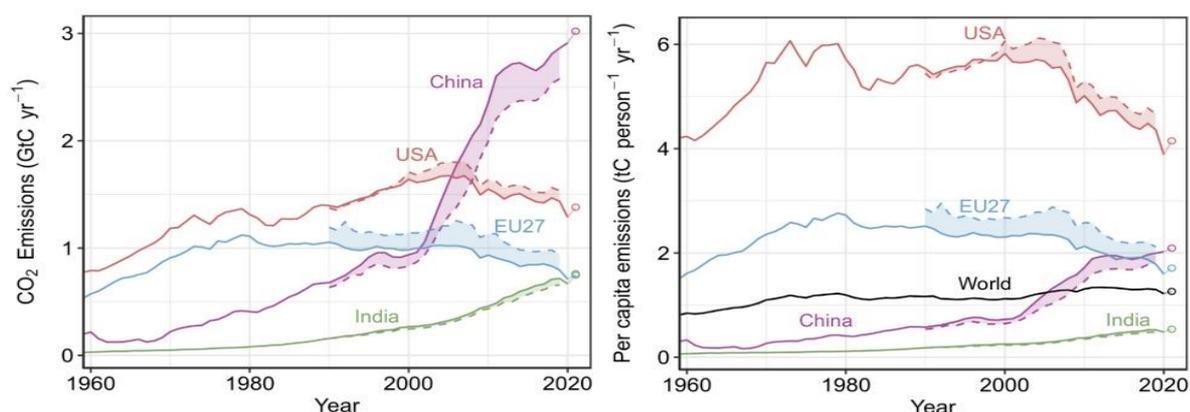

Рис. 2. Объем выбросов CO₂, в объеме и на душу населения (1960–2021 гг.), согласно Глобальному углеродному бюджету (Global Carbon Budget 2021) [19]

Как видно из сопоставления данных двух Глобальных углеродных бюджетов 2018 и 2021 гг., экономическое и социально-экологическое благополучие жителей развитых стран, США и государств-членов Европейского союза (в Бюджете 2018 г. в состав ЕС ещё входила Великобритания) обеспечивается в заметной мере делокализацией «грязных» карбоноёмких производств в такие страны, как Китай, Индия, входящие в число «стран периферии» и нередко рассматриваемые в составе блока БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР).

Анализируя данные рисунков 1 и 2 и рассматривая выбросы углекислого газа на душу населения за 1960–2021 гг., можно обнаружить, что США является лидером по выбросам, превосходя Китай более чем в 2 раза и без учёта потребления. Бюджет 2021 г. отличается тем, что в нём даётся оценка не только производственным выбросам, но и потреблению (пунктирная линия). Так, на графиках рисунка 2 видно, что ЕС (27 стран) и США импортируют товары, при производстве и транспортировке которых осуществлялись выбросы углекислого газа, т. е. при делокализации

производства происходит перемещение загрязнения среды с территории стран-импортёров на страны-экспортёры, и с учётом импорта оценка выбросов CO₂ в ЕС на душу населения заметно превышает подушевые выбросы CO₂ в Китае.

Наконец, исследования отмечают и искажения в оценках общественного мнения. Различие между упрощёнными лозунгами и критериальными моделями поведения хорошо иллюстрирует пример опроса, в котором 90% респондентов заявили о своей озабоченности защитой природной среды, 51% учитывали критерий экологичности при решении купить или отказаться от покупки конкретного товара и лишь 11% покупателей в 1989 г. ответили, что согласились бы заплатить на 6–10 центов больше за экологически безопасную упаковку товара [20].

Таким образом, результаты исследования общественного мнения населения об экологии зависят в большой мере от формулировки вопроса и от построения логики опроса (наведения на ответы путём постепенного движения от социально одобряемых моделей поведения к вопросам о фактических действиях респондентов), а также от момента и места опроса (например, сразу после техногенной катастрофы на территориях, затронутых загрязнением), от стремления произвести положительное впечатление на конкретного интервьюёра-собеседника или на институциональный источник (заказчика, организатора опроса).

Можно отметить, что в течение последних десятилетий как опросы, так и статистические данные о продажах свидетельствуют об эффективности влияния экологических аргументов на потребительский выбор [21]. Это означает, что корпоративная маркетинговая коммуникация, построенная на социально-экологической тематике, достигает своей цели и позволяет повысить привлекательность товаров и услуг компаний, включающих данную ценностно-смысловую тематику в свой брендинг.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что экономические факторы выбора поведенческой стратегии по-прежнему имеют значительный вес в сложной многокритериальной модели выбора. Сокращение числа параметров в мультикритериальной модели до 3 групп в рамках концепции ESG (социальные, экологические, управленческие) позволяет частному бизнесу более эффективно выстраивать коммуникационные стратегии на рынке. Вместе с этим, рассматривая вес каждой группы факторов в данной модели, необходимо признать, что социальная повестка выполняет как роль критерия, так и коммуникационного аргумента в ходе построения взаимоотношений с потребителями с рыночными партнерами, включая инвесторов.

Для экономических субъектов и в производственном, и в потребительском поведении ключевыми факторами выбора модели поведения выступает цена. Для бизнеса интерес к экологической повестке отражает регламентирование инвестиций и давление спроса. Потребитель стремится к индულгенции за удовлетворение потребностей в форме покупки «зелёной» продукции (что выражается в рекламной коммуникации корпораций) и декларирует заботу об экологии, в то же время реальное действие или бездействие населения отражает спонтанные сиюминутные факторы несистемного характера и цену вопроса (в большой мере установленную государством, например, штраф за брошенный окур).

На основе результатов исследования можно сформулировать ряд дальнейших исследовательских вопросов и гипотез, которые нуждаются в формулировке, измерении и проверке. В частности, хотя проблематика различий между социальной установкой и реальным поведением изучается социологической наукой уже более столетия, тем не менее целесообразно развивать поиск параметров, позволяющих различать декларативные за-

явления в рамках модной повестки и действительные приоритеты и предпочтения, воплощаемые в ходе управленческого

принятия решений бизнесом и совершення покупательского выбора индивидуальными потребителями.

Список литературы

1. Макеева Е. Д. Общественное движение за охрану природы в России в условиях социалистического строительства в 1920–1940-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. №3, ч. 2. С. 423–428.
2. Vertakova Yu., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // Экономічний часопис-XXI. 2017. Т. 166, № 7-8. С. 4–10.
3. Бойко С. В., Покровская Н. Н. Цифровая экономика знаний и социальный рейтинг как формы реиндустриализации экономики и общества // Научная мысль. 2020. Т. 14, № 4 (38), ч. 1. С. 41–48.
4. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию от 21.04.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 22.01.2022).
5. Абабкова М. Ю., Голохвастов Д. В., Покровская Н. Н. Инновационный рост виртуальной экономики: смена регулятивной парадигмы // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 8 (190). С. 576–592.
6. Ровинская Т. Л. Европейское зеленое движение в условиях кризиса: новые подходы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 4. С. 24–33. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-24-33>
7. Брусакова И. А. Информационный менеджмент в условиях цифровых трансформаций // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXIV Международной научной и учебно-практической конференции. СПб.: СПбПУ, 2020. С. 115–122.
8. Покровская Н. Н. Рациональность экономического поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 9, № 46. С. 128–137.
9. Покровская Н. Н. Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 1. С. 190–198.
10. Захаров Н. Л., Кузнецов А. Л. Управление социальным развитием организации. М.: Инфра-М, 2019. 208 с.
11. Стрежнева М. В. Финансовые аспекты «Европейской зеленой сделки» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 4. С. 13–23. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-13-23>
12. Слободской А. Л., Терехова Т. А., Гарин А. К. Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных: материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 287–289.
13. Парамонова Н. История «зеленых» движений // Атомный эксперт. Экология. 2020. № 6. URL: https://atomicexpert.com/history_green_organizations (дата обращения: 29.01.2022).
14. Алтайский предгубревком Аристов Вс. Приказ № 120 // Бюллетень Алтайского губпродкома. 1920. № 4. С. 28.
15. Вертакова Ю. В., Плотникова Н. А., Плотников В. А. Промышленная политика России: направленность и инструментарий // Экономическое возрождение России. 2017. № 3 (53). С. 49–56.
16. Публичное акционерное общество «Северсталь». Цели в области устойчивого развития 2020–2025. URL: https://www.severstal.com/files/63899/SR_Severstal_2020_RU.pdf (дата обращения: 22.01.2022).
17. UK Financial Reporting Council: UK Stewardship Code 2020 // FRC. 2019. 14 October. URL: https://www.frc.org.uk/getattachment/5aae591d-d9d3-4cf4-814a-d14e156a1d87/Stewardship-Code_Dec-19-Final-Corrected.pdf (дата обращения: 28.01.2022).
18. Global Carbon Budget 2018 / С. Le Quéré [et al.] // Earth System Science Data. 2018. Vol. 10(4). P. 2141–2194. <https://doi.org/10.5194/essd-10-2141-2018>

19. Global Carbon Budget 2021 / P. Friedlingstein [et al.] // *Earth System Science Data*. 2021. Nov 4. <https://doi.org/10.5194/essd-2021-386>
20. Shafiei A., Maleksaeidi H. Pro-environmental behavior of university students: Application of protection motivation theory // *Global Ecology and Conservation*. 2020. Vol. 22. P. e00908. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gecco.2020.e00908>
21. Благоев В. И., Шустова Е. П., Мищенко И. В. Сравнительный анализ влияния ключевых факторов на потребительское поведение населения в отношении биопродукции на региональных рынках // *Экономика Профессия Бизнес*. 2020. № 2. С. 14–24. <https://doi.org/10.14258/epb201967>

References

1. Makeeva E. D. Obshchestvennoe dvizhenie za okhranu prirody v Rossii v usloviyakh sotsialisticheskogo stroitel'stva v 1920–1940-e gg. [Social movement for the protection of nature in Russia in the conditions of socialist construction in the 1920–1940s]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2015, no. 3, pt. 2, pp. 423–428.
2. Vertakova Yu., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy. *Economic Annals-XXI*, 2017, vol. 166, no. 7–8, pp. 4–10.
3. Boyko S. V., Pokrovskaya N. N. Tsifrovaya ekonomika znaniy i sotsial'nyi reiting kak formy reindustrializatsii ekonomiki i obshchestva [Digital economy of knowledge and social rating as forms of reindustrialization of the economy and society]. *Nauchnaya mysl' = Scientific Thought*, 2020, vol. 14, no. 4 (38), pt. 1, pp. 41–48.
4. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu ot 21.04.2021 [Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly dated 21.04.2021]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>. (accessed 22.01.2022)
5. Ababkova M. Yu., Golokhvastov D. V., Pokrovskaya N. N. Innovatsionnyi rost virtual'noi ekonomiki: smena regul'yativnoi paradigmy [Innovative growth of the virtual economy: a change in the regulatory paradigm]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2021, vol. 27, no. 8 (190), pp. 576–592.
6. Rovinskaya T. L. Evropeiskoe zelenoe dvizhenie v usloviyakh krizisa: novye podkhody [European Green Movement in Crisis: New Approaches]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN = Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS*, 2021, no. 4, pp. 24–33. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-24-33>
7. Brusakova I. A. [Information management in the context of digital transformations]. *Sistemnyi analiz v proektirovanii i upravlenii. Sbornik nauchnykh trudov XXIV Mezhdunarodnoi nauchnoi i uchebno-prakticheskoi konferentsii* [System analysis in design and management: Sat. scientific papers of the XXIV International scientific and educational-practical conference]. St. Petersburg, SPbPU Publ., 2020, pp. 115–122. (In Russ.)
8. Pokrovskaya N. N. Ratsional'nost' ekonomicheskogo povedeniya [Rationality of economic behavior]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Proceedings of the Russian State Pedagogical University*, 2007, vol. 9, no. 46, pp. 128–137.
9. Pokrovskaya N. N. Sotsial'nye normy kak predmet sotsiologicheskogo analiza: dolzhnoe i deystvitel'noe [Social norms as a subject of sociological analysis: due and valid]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2007, no. 1, pp. 190–198.
10. Zakharov N. L., Kuznetsov A. L. Upravlenie sotsial'nym razvitiem organizatsii [Management of social development of the organization]. Moscow, Infra-M Publ., 2019. 208 p.
11. Strezhneva M. V. Finansovye aspekty "Evropeiskoi zelenoi sdelki" [Financial aspects of the European Green Deal]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN = Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS*, 2021, no. 4, pp. 13–23. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-13-23>
12. Slobodskoy A. L., Terebkova T. A., Garin A. K. [Digital Education and the New Technological Generation: Demand for New Content in Education]. *Nauka o dannykh. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Data Science. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. of Economics Publ., 2020, pp. 287–289. (In Russ.)

13. Paramonova N. Istoriya "zelenykh" dvizhenii [History of "green" movements]. *Atomnyi ekspert. Ekologiya = Atomic expert. Ecology*, 2020, no. 6. Available at: https://atomicexpert.com/history_green_organizations. (accessed 29.01.2022)
14. Altaiskii predgubrevkom Aristov Vs. Prikaz № 120 [Altai Provincial Committee of Aristov Vs. Order No. 120]. *Byulleten' Altaiskogo gubprodkoma = Bulletin of the Altai Gubernia Food Committee*, 1920, no. 4, pp. 28.
15. Vertakova Yu. V., Plotnikova N. A., Plotnikov V. A. Promyshlennaya politika Rossii: napravlenost' i instrumentarii [Industrial policy of Russia: orientation and tools]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*, 2017, no. 3 (53), pp. 49–56.
16. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Severstal". Tseli v oblasti ustoichivogo razvitiya 2020-2025 [Public Joint Stock Company Severstal. Sustainable Development Goals 2020-2025]. Available at: https://www.severstal.com/files/63899/SR_Severstal_2020_RU.pdf. (accessed 22.01.2022)
17. UK Financial Reporting Council: UK Stewardship Code 2020. FRC. 2019. 14 Oct. Available at: https://www.frc.org.uk/getattachment/5aae591d-d9d3-4cf4-814a-d14e156a1d87/Stewardship-Code_Dec-19-Final-Corrected.pdf. (accessed 28.01.2022)
18. Le Quéré C., eds. Global Carbon Budget 2018. *Earth System Science Data*, 2018, vol. 10(4), pp. 2141–2194. <https://doi.org/10.5194/essd-10-2141-2018>
19. Friedlingstein P., eds. Global Carbon Budget 2021. *Earth System Science Data*, 2021, Nov 4. <https://doi.org/10.5194/essd-2021-386>
20. Shafiei A., Maleksaeidi H. Pro-environmental behavior of university students: Application of protection motivation theory. *Global Ecology and Conservation*, 2020, vol. 22, pp. e00908. <https://doi.org/10.1016/j.gecco.2020.e00908>
21. Blagoev V. I., Shustova E. P., Mishchenko I. V. Sravnitel'nyi analiz vliyaniya klyuchevykh faktorov na potrebitel'skoe povedenie naseleniya v otnoshenii bioproduktsii na regional'nykh rynkakh [Comparative analysis of the influence of key factors on the consumer behavior of the population in relation to bioproducts in regional markets]. *Ekonomika Professiya Biznes = Economics Profession Business*, 2020, no. 2, pp. 14–24. <https://doi.org/10.14258/epb201967>

Информация об авторах / Information about the Authors

Покровская Надежда Николаевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры инновационного менеджмента, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина); профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого; профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; профессор кафедры экономики и управления социально-экономическими системами Института экономики, менеджмента и ИТ, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: nnp@spbstu.ru, ORCID: 0000-0002-0795-8102, Researcher ID: M-4586-2016

Nadezhda N. Pokrovskaia, Dr. of Sci. (Sociological), Professor, Professor of the Department of Innovation management, Saint-Petersburg Electrotechnical University "LETI"; Professor of the Higher School of Mediacommunications and PR of the Institute of Humanities, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University; Professor of the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems of Institute of Economics, Management and IT, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics; Professor of the Department of PR and Advertising of the Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: nnp@spbstu.ru, ORCID: 0000-0002-0795-8102, Researcher ID: M-4586-2016

Молодкова Элеонора Борисовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: eleonor036@ya.ru,
ORCID: 0000-0002-3143-988X

Снисаренко Светлана Олеговна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления социально-экономическими системами Института экономики, менеджмента и ИТ, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: sos60@inbox.ru,
ORCID: 0000-0003-2284-0548

Онуфриева Александра Михайловна, заместитель начальника отдела контроля и анализа деятельности, филиал ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии» по Ленинградской области, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: aleks.muza@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-3984-1969

Eleonora B. Molodkova, Cand. of Sci. (Sociological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: eleonor036@ya.ru,
ORCID: 0000-0002-3143-988X

Svetlana O. Snisarenko, Cand. of Sci. (Sociological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems of Institute of Economics, Management and IT, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation,
e-mail: sos60@inbox.ru,
ORCID: 0000-0003-2284-0548

Alexandra M. Onufrieva, Deputy Head of the Department for Monitoring and Analysis of the Activities of the Branch of the Federal State Budgetary Institution "Federal Cadastral Chamber of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography" in the Leningrad Region, Saint-Petersburg, Russian Federation,
e-mail: aleks.muza@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-3984-1969